

Саймуэль помедлил, вскинул голову и посмотрел на Эдриана:

— С чего вдруг такие мысли?

На самом деле ему хотелось спросить о другом: слова Эйса — это был приказ, не терпящий возражений, или просто прощупывание почвы?

Честно говоря, он не горел желанием оставлять на своем теле чужие отметины. В конце концов, даже пройдя через горнило войны, он умудрился сохранить свое тело в целости, не было ни одной причины уродовать его сейчас, во время обычной миссии. Однако ситуация складывалась так, что, откажи он, русалка, скорее всего, убил бы его на месте.

Услышав вопрос, Эдриан едва заметно нахмурился. В его глазах, холодных и отстраненных, словно застыл иней, когда он посмотрел на Саймуэля:

— Ты не понимаешь? Это означает единоличное владение и объявление прав собственности.

Словно ребенок, который любит выцарапывать свое имя на своих же вещах, подумал Саймуэль, и, кажется, начал понимать. Но он лишь поджал губы и промолчал.

Эдриан не стал давить, лишь легонько поиграл тонкими пальцами Саймуэля и сменил тему, переключившись на татуировку на спине Носэ.

— Знаешь ли ты, какой особый смысл несет в себе татуировка семьи Кослин? Это символ высшего почета и власти. Испокон веков лишь самые близкие люди наносили этот знак на тело лучшего из детей в семье. Тот, кто носил такую метку, должен был стать главой рода Кослин. Но еще никто, подобно старшему брату Носэ, не наносил татуировку на спину собственного младшего брата. Особенно если этот младший брат — никчемный и слабохарактерный юнец.

Эдриан замолчал, уголок его губ изогнулся в ироничной усмешке, а палец легонько постучал по столешнице:

— Нока — настоящий дурак.

Саймуэль смотрел на русалку с демонически прекрасным лицом и грациозными движениями и никак не мог представить, что Эйс способен произнести такое грубое слово, как дурак. Кстати, с тех пор как зашла речь о семье Кослин, выражение лица и взгляд Эйса стали какими-то странными. Неужели его что-то связывает с этим семейством?

— Ты...

Саймуэль успел произнести лишь одно слово, как Эдриан подхватил его и повалил на кровать. Эдриан прикрыл ему глаза ладонью и стал целовать их поверх пальцев:

— Спи давай, завтра рано вставать.

— Завтра утром? Зачем? — Саймуэль был застигнут врасплох резкой сменой темы.

— Ты ведь хотел заработать денег? Пойдем наловим рыбы, поищем жемчуг, продадим — на билеты хватит, — Эдриан помолчал и успокаивающе похлопал Саймуэля по плечу. — Не

беспокойся о деньгах.

— Я что, так явно это выказал?

— М-м, очень явно.

Эдриан взъерошил волосы Саймуэля, но ответил как-то рассеянно, его слова звучали неубедительно. Он уже изучил этого человека вдоль и поперек, так что читать мысли Саймуэля для него не составляло труда.

Саймуэль надул губы, чувствуя недовольство:

— И как ты только умудрился...

— Татуировка.

Эдриан внезапно прервал его, чем заставил Саймуэля вздрогнуть. Он почувствовал, как пальцы Эйса, холодные и скользкие, с едва ощутимыми чешуйками, заскребли по коже на груди.

— Татуировку пока делать не будем. Подожду, пока придумаю узор. Узор, который будет принадлежать только тебе.

Саймуэль замолчал, его пальцы невольно сжались в кулаки. Эдриан прижал его к себе крепче, глядя на залитый лунным светом, словно тонкой вуалью, пейзаж за окном, и на душе у него стало спокойно.

На следующее утро, когда Саймуэль проснулся, солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Эдриан, аккуратно собрав свои серебристые волосы, выставил на стол сваренную кашу с морепродуктами.

— Рис взял у Синина, а рыбу и креветки наловил сегодня утром в море.

Эдриан подал Саймуэлю миску, а сам отошел в сторону, чтобы заняться корзиной, в которой прыгала пойманная рыба разных видов. Транспорт в Империи был развит хорошо, билеты стоили недорого, так что Эдриан собирался сбыть улов по-быстрому. К тому же он выудил со дна две жемчужины — большую и маленькую — и припрятал их в кошелек. И корзину, и кошелек одолжил Синин.

Пока Эдриан возился с вещами, Саймуэль ел кашу и наблюдал за ним. Почему-то ему казалось, что их роли с Эйсом поменялись местами. Разве не хозяин должен сидеть здесь и неспешно завтракать, пока слуга собирает товар для рынка? От этой мысли Саймуэль почувствовал неловкость и сделал большой глоток каши.

— Ай!

Горячо!

Саймуэль отставил миску, пытаясь найти холодной воды, но в чайнике на столе вода тоже была обжигающей. Эдриан бросил корзину, схватил Саймуэля за подбородок и, глядя на него холодными, пронзительными изумрудными глазами, властно приказал:

— Высунь язык, покажи, где ожог.

Саймуэль поджал губы, но, встретившись взглядом с Эдрианом, медленно открыл рот и высунул кончик языка. Тот покраснел от жара, и даже вкусовые сосочки воспалились.

— Стоит отвернуться — и ты уже забываешь о себе позаботиться.

Эдриан с силой ущипнул его за щеку. Его раздражало наплевательское отношение Саймуэля к самому себе. Впрочем, самому Саймуэлю было все равно: он видел в жизни бури и посильнее, а это — сущая мелочь. Он ведь не какая-нибудь плаксивая кисейная барышня.

— Дурак! — Эдриан смотрел на него ледяным взглядом, и в его глазах внезапно вспыхнула невидимая мощь. — Те, кто терпит боль молча, либо привыкли полагаться только на себя, либо их некому пожалеть. Теперь, когда у тебя есть я, можешь плакать, если больно. Будь то царапина или серьезная рана, мне не все равно, так что заботься о себе как следует!

Саймуэль смущенно отвел взгляд. Он подумал, что даже в гневе эта русалка выглядит невероятно притягательно. Он боялся, что если будет смотреть слишком долго, то не сможет сдержать бешеный стук сердца.

Эдриан силой развернул его к себе и взял кончик его языка в рот. У русалок обычно низкая температура тела, и во рту у него было прохладно. Нежные, осторожные движения языка мягко коснулись места ожога.

— М-м...

Странное чувство. Саймуэль толкнул Эдриана в плечо, пытаясь отстраниться, но вдруг почувствовал во рту привкус крови. Той самой, которой Эйс напоил его в тот день.

— Ты что творишь!

Почему он внезапно дал ему крови? Саймуэль широко раскрыл глаза.

Эдриан большим пальцем стер след крови с уголка губ, слизнул её и отвел взгляд:

— У моей крови есть особые свойства.

Она ускоряла заживление ран и укрепляла иммунитет. Он посмотрел на Саймуэля и, словно оправдываясь, добавил:

— Я просто волнуюсь: вдруг нас начнут преследовать, и если ты прыгнешь в море, то, может, выживешь. В конце концов, моя кровь может помочь.

Причина звучала натянуто. Саймуэль пристально смотрел на Эдриана, и взгляд его стал глубоким и задумчивым.